

Б И Б Л И О Т Е К А



ОГОНЁК

№ 38

1976



Людмила ШАМЕНКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»
М О С К В А

ПРИЗНАНИЕ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 38

Людмила ШАМЕНКОВА

ПРИЗНАНИЕ

СТИХИ

Издательство «ПРАВДА»
Москва, 1976

Людмила ШАМЕНКОВА

Людмила Семеновна Шаменкова родилась в Москве, окончила филологический факультет МГУ. После университета работала в Красноярске корреспондентом краевого радио. В своих очерках она рассказывала о поездках по Сибири, о встрече с людьми труда — лесорубами, речниками, шахтерами, механизаторами. С 1960 года Людмила Шаменкова — корреспондент газеты «Известия».

Первая подборка стихотворений Людмилы Шаменковой опубликована в журнале «Огонек».

МУЗА

Вот она я — обычная, серая,
Приученная в семь вставать
И, чиркнув спичкою серною,
На кухне газ зажигать.
Вот она я — с трудом и заботами:
Купить, заработать, сварить.
Мне редко когда удавалось за облаком,
Тающим в небе, следить.
То будничные долги, то предчувствие дали —
Все шло вперемежку, пестро.
Мне книги раздумья веков открывали
В мигающем свете метро.
Я делала ставку на точные факты,
Смеялась над словом «витать».
Муза моя — работающая, в фартуке,
Марией ее величать.

РОДИОНОВНЫ

Не однажды в тесноте вокзала,
Среди едущих с поминок иль крестин,
Я с невольной грустью примечала
Наших русских нянюшек Арин.
Из глухих, безвестных деревушек,
Из поселков малых величин,
Что-то в них всегда волнует душу,
В сущности, без видимых причин.
В чем же тайна этой странной притчи,
Горькой, как опавшая листва?
Почему в цветочках мелких ситчик
Дышит ощущением родства?

Может, потому с таким волнением
Я гляжу на нянюшек Арин,
Что боюсь последнего свеченья
Их пуховых, ласковых седин?
Может, потому с таким участием
Их простые речи берегу,
Что без них ни истины, ни счастья
Я представить просто не могу?
Чтобы там ни плавил реакторы,
Сколько б ни гудело проводов,
Очень нужно, чтобы руки дряхлые
Путали шерстинки узелков.
А когда почувствуем, что плохо нам,
Изматает неизбывный жар,
Что нас лечит? Бабушкины оханья
И старинный липовый отвар.
В век всеобщей спешки, одержимости
И нехватки задушевных слов
Нянюшки Арины, не спешите же
Уходить от внуков и сынов
Кто рассудит беды их и горести,
Помолчит, сочувственно вздохнет,
Успокоит окающей повестью,
Тихо молвит: «Будет твой черед...»

СНЕГ

Средь озабоченного дня,
Свои тревоги затаившего,
Он шел, как говорится, зря,
Как что-то милое, но лишнее.
Он падал просто, без затей,
И в нем нужды особой не было.
Он был, пожалуй, для детей,
Для их познания цвета белого.
Незванней чувства, тише грез,
Забывший ожиданье таянья,
Он был неясен, как вопрос,
И трогателен, как раскаянье.

Он падал так, ни для чего.
И в этом вечный смысл его.

В РАЙОННОЙ ГОСТИНИЦЕ

Гостиниц маленьких уклад:
То скрип дверей, то тихий шорох.
И, как бубенчики, висят
Помпоны красные на шторах.
В любое время постучи —
Хозяйка добрая хлопочет.
И в шкафчике висят ключи,
И чайник на печи клокочет.
Как я любила эти дни
Непреднамеренных блужданий,
Пристанционные огни,
Машин случайных ожиданье.
И сколько было городов,
Объятых мглою непробудной,
Где отыскать какой-то кров
Казалось мыслью недоступной.
Но, начиная с толчеи
У рельс трамвайных, у вокзала,
Я понимала: тут свои —
И путь к гостинице искала.
А там — уютный жар дымка,
Благословенная морока:
Прикосновенье утюга
К белью, внесенному с мороза.
А где-то нежная Жизель,
Москва, родня, тепло дивана...
Но выйдет заспанный жилец
С зеленым чайником к титану,
И снова вспомнишь: это Гдов,
Страна покоя и снегов.
А утром снова шум и чад.
Встают шофер, путеец, лектор.
В сторонке тихо говорят
Колхозница и местный лекарь.
И дом уже почти родной,
И как-то ощутимей радость.
Но надо ехать, и со мной
Идет прощаться регистратор.

ДОНОРСКИЙ ПУНКТ

У Никитских ворот, за ТАССом,
Стоит трехэтажный дом.
Он, может, не первого класса,
Но есть что-то барское в нем.
На внешней стене, вдоль фронтона —
Головки точеные в ряд.
Над ними — лепные короны,
Как дольки ракушек, висят.
Под «чепчиком» все изваянья,
И лица себя сберегли.
Божественных качеств сиянье
Они и до нас донесли.
Немногие, может быть, помнят
Тот легкий, щемящий испуг:
В войну в глубине этих комнат
Действовал донорский пункт.
Сюда иногда прибегала
Девчонка в платочке худом
И локоть, дрожа, подставляла,
Резиновым сжатый жгутом.
Она ничего не жалела,
Пока, дожидаясь конца,
Глядела, как жидкость алела
Под шепот ее: «За отца».
Об этом никто не помнит,
Хоть кровь ее в ком-то кипит.
Лишь странною тайной исполнен
Каменный взгляд афродит,

ИГЛА

В мастерской по ремонту второго разряда
Что ни день — вековая игра.
Кто докажет, что ножниц и ниток не надо
И давно устарела игла?
Здесь не стелются волны воздушного шелка —
На заплатку попроще подходит кусок.
И несут мастерице протертые локти,

И худые колени, и вырванный клоч.
И, утюжа, поря, в одеянье непестром,
Зубоскаля в веселом бедовье портных,
Защищает швея тонкий палец наперстком,
Как кольчугой, истыканной сотнями пик.
Рядом с ней терпеливо колдует закройщик,
Закадычным мелком осыпая сукно.
А по улице мчится безудержный гонщик,
И дрожит от мотора стекло.
Пусть ревет и вращает баранку проворно.
Скоро явится, плача, — «Не джинсы — зола».
Вот тогда мастерица, вздыхая притворно,
И покажет, что значит простая игла.
Все починит, исправит, приладит карманы.
И устанет — не бросит работы такой:
Зашивать нанесенные буднями раны
Исцеляющей, доброй рукой.

СПОР

Выставляя округлость плеча,
Как весомую выпуклость рифа,
Он ворочал рулем «Москвича»
И ругал невесомые рифмы.
И, рассеянно взглядом скользя
По дымящимся грудам градирен,
Что дышали, угрюмо сопя,
Спертым воздухом влажных гладилен,
Он спросил: «В чем же соль этих строк,
Извините за грубость вопроса?...»
И презрительно сузил зрачок,
Этот спорщик с лицом камнетеса.
Я сказала, несмело вздохнув:
«Может, груб, обратите вниманье,
Низкорослый и злой стеклодув,
Но сосуд — это форма дыханья..
Как же можно бранить ремесло,
Чей удел — откровенности взлеты?
Неужели за легкостью слов
Не видна одержимость работы?
Жест души, подвиг сердца — итог
Многотрудных раздумий и боли...»
Так пыталась я первый урок
Преподавать выразителю воли.

О ПОРАЖЕНИИ

Какое дело мне до чьих-то продвижений?
Успехов — этих, неуспехов — тех?
Куда важней душевные движения,
Что тайною останутся для всех.

Я знала тех, кто рвался к утверждению,
Кто был в плену неистовых идей,
Но вдруг неосмотрительным паденьем
Лишался и доверья и друзей.

Быть битым, униженным — это крайность.
Легко ли оказаться не у дел?
Но все же не испытывайте жалость
К тому, кто удержаться не сумел.

Не всякое паденье — поражение.
Не всякий взлет — начало всех начал.
Бывает крах, что равен возвышенью,
И есть успех, похожий на провал.

ВСХОДЫ

И видно: беззащитно детское,
Пушится поле, зеленея.
Над ним и ветер с меньшей резкостью
Летит, растения жалея.
И чудится: не даром горлица
Кружит на высоте блаженства —
Роняя стоны, птичье горлышко
Лелеет всходы, как младенца.
Все бережет ростки зеленые —
И солнце и земная воля.
Откуда ж эти две рифленные
Дорожки, что изрыли поле?
Шофер какой-то торф увесистый
Возил, дорог не разбирая,
И, развернувшись, въехал, бестия,
На рожь, с землей ее мешая.
Ему бы только вырвать «кровные»,
А травка что — видал он виды!
И только полосы неровные —
Как след невысохшей обиды.

ПАМЯТЬ

Как мы рассеянно живем,
Как непосредственно страдаем
И в муке той не замечаем,
Что лучших дней не бережем.

Казалось бы, в кольце обид
К чему затягивать прощанье?
Но память не случайно мстит
За каждый промах невниманья.

За то, что слезы — мимо глаз
И мимо — волны Енисея,
За то, что тот «последний раз»
Мне сердце не рассек сильнее.

Прошло. Ушло... Но вдруг нахлынет,
И все вверх дном перевернет,
И с прежних чувств суровость снимет,
И веру прежнюю вернет.

И чем мы большее значенье
Придать событию хотим,
Тем чаще, нам на удивленье,
Оно уносится, как дым.

И чем беспечнее, как сможет,
Скользим мы по явленьям дней,
Тем в нашей памяти уложатся
Они со временем прочней.

ВОЗРАСТ КАТАСТРОФ

Жест бунтарский, свойственный девичеству,
Безголосый, выскользнул из рук.
Как жесток ты, противоречивости,
Несогласья, споров и разлук,
Дерзких сцен, воинственной картинности,
Убеганий, взрывов, резких слов,
Странных снов, смущенья и слезливости,

Как жесток ты, возраст катастроф...
Жест молящий, тянущийся к близости,
«Да!» стремится птицей с языка.
Но покорность равноценна низости
И в испуге: «Нет!» издалека.
Острый горбик худенького плечика
Сморщил кофту, тронь — сейчас кольнет...
Возраст горький, две руки на клетчатом...
Да не плачь ты, милая, пройдет.

ДОВОЕННЫЙ БЫТ

Не хвалились густыми приварками,
На кусочки дробя рафинад.
Покупали на юбки немаркое
И носили три года подряд.

Жили скромно, меха не выталивали,
Дорожили щепоткой дрожжей.
Но как щедро любовью одаривали,
Как богато жалели людей!

ГРАММОФОНЧИКИ

Простой цветок, выюнок,
Что жметя
К заборам загородных дач...
С утра закроеся, сожметя —
Не видно ничего, хоть плачь.
Но стоит солнцу теплым тоном
Сказать растению: «Пора»,
И раскрывает он бутоны,
Как маленькие рупора.
Виденья прошлого истончены,
Но детство связано с травой.
Их называли «граммофончики»
За сходство с выгнутой трубой.
Сегодня эта нежность рухнула,
И в памяти раскрылись дни,
Когда повсюду жерла рупоров
Кричали голосом войны.

РЕЧКА

Я хочу поверить этой речи,
Кружевной, бесхитростной и дивной.
Отчего же в горле тихой речки
Отголоски песни лебединой?
Я ее движений не стесняла,
Не давила, берегов не мяла,
А она шумит, не умолкая,
Говорливо камни промывая.
Будто знает, что недолго виться
Ей осталось меж ракушек и сосен.
Все труднее по земле струиться,
Обмелела, тоненькая, сохнет...
Потому и вьется так и кружит,
Будто в голос плачет, горько тужит,
Нас, людей, жестоко упрекая,
Красотой последней утешая.

МОНТАЖНИЦЫ

Гляжу — сидят Иринки и Маринки,
Разматывают спутанный клубок.
Берут пинцетом нежные пылинки,
И плавают их, и кутают в дымок.

Отвыкли пальцы медлить или рыскать,
Движенья — и топорщится пучок.
Как будто приготовили редиску
Пунцовую на рыночный лоток.

Колючие и жесткие вначале,
Смиряются концы зажимом клемм,
И точное сплетенье их венчает
Осмысленная логика систем.

И все же, как ни новы эти схемы,
За сетью тонкорунных проводов
Мне видится старинное усердье
Склоненных над работой Пенелоп.

Разлука — неизменный их противник,
Несвязность удивляет их давно.
Не потому ль оборванные нити
Спешат они соединить в одно?

ВОРОБЕЙ

Почему воробей в оперенье неброском,
Обитатель застрех и пустых чердаков.
Облетатель дворов, где заборные доски
Так же серы, как весь его бедный покров,
Почему эта птица с пронырливым клювом,
Озорница, простушка, пернатый плебей,
Мне дороже иных обладателей лютней,
Исторгателей трелей и зорь королей?
В этом сером комочке, без ложного вздора
Промышляющем в поисках пшенной крупы,
Незаметном средь пыли и сточного сора,
Есть веселье воинственно-звонкой трубы.
Посмотрите, как весел, лукав и задирист,
Так и вертится, дерзкий, волчком заводным.
Он упорен, добычлив, смекалист и жилист.
И, должно быть, недаром за смелость любим.
Симпатичный пострел, заселивший полмира,
Презирающий холод, хотя без галош,
Здравствуй, рьяный свистун, оптимист и задира,
Среди птиц — настоящий Гаврош!

УСАДЬБА «МУРАНОВО»

Колючей шерсткою прилип
Мороз на воротник.
В аллее почерневших лип
Застыл тоскливый крик.

Вороньих гнезд сучкастый хруст
Пронзает вышину.
Безлюдный парк заброшен, пуст,
Но держит тишину

Руками сморщенных дерёв,
Размахом крепких крыл
Да жестью ржавых желобков
По краю ветхих крыш.

И чудится, что как и встарь.
Дрожит печальный свет
И сквозь сугробы шлет январь
Далекий скрип карет.

А там, внутри, — холодный склеп,
Росинки хрустала,
Томится пыль библиотек,
Гордятся вензеля.

В углу, где взоры восхищал
Пленительный портрет,
На шелке выцветшем — овал,
Картины старой след.

И вещи вещью душой
Твердят на все лады,
Что жив еще гнезда покой,
Летит каминный дым.

И я не знаю, что сказать
И как им угодить.
Иль время ими измерять?
Иль прошлое будить?

А может быть, без пышных фраз
Поверить их судьбе?
Они неслышно учат нас
Быть верными себе.

ЗЕЛЕНЯ ПОД СНЕГОМ

Что вам сказать про зеленыя?
Про то, как на ветру звенят
Тугие струны мерзлых трав,
Как зеленеет поросль,
В себе безжалостно поправ
Тепла и неги поиск?
Что вам сказать про колкий снег —
Не греет он, как зверя мех,
А подвергает ломке
Зеленые иголки.
Что вам сказать, какие сны
Хранят посевы до весны,
Чтоб землю неизмельченно
Прошить стежком стебельчатим?
Что вам сказать...

Как изумруд,
Блестит травы упорный труд:
До самого тепла терпеть
И, холодея, зеленеть.

Не так ли с вечностью самой
Вступаем мы в неравный бой,
Не гнемся и не таем,
Судьбу перемогаем.

* * *

Страх разрушенья, — слабость глупых, —
Быть может, самый страшный страх,
Но мир не ведает уступок
И признает один размах.

Смывает время в нетерпенье
Штрихи связующих мостков,
Предоставляя населенью
Новейший тип своих основ.

Не зная устали и лени,
Крушит бульдозер старый хлам:
Крылечки, печки, куст сирени,
Где птицы пели по утрам.

На благо это разрушенье.
Но не забуду я вовек,
Как плакал, стоя в отдаленье,
Какой-то старый человек,
Пока победно дым чадил
Над домом, где он жизнь прожил.

СТАРИК, СЧИТАЮЩИИ ДЕНЬГИ

Старик пришел за молоком,
Он в блюде кассы мелочь сыплет,
Считает сдачу шепотком,
И медь к его ладоням липнет,

В соседнем доме он живет,
Там у него — подобье кельи,
Где экономно он ведет
Свои расходы на неделю.

Старик, конечно, не Гобсек,
И как о том не догадаться?
Не может этот человек
Себе позволить просчитаться.

Тут каждый гривенник учтен,
Цена краюшки и подошвы,
Тут выгодным считают сон
И не выбрасывают крошки.

А все-таки на склоне дней,
В тиши, где все его забыли,
Он выше денежных страстей,
Они его не погубили.

РУКОМОЙНИК

Однажды ночью
С головой усталой
Я вышла в сад,
Задумалась про жизнь,
И вдруг тихонько что-то забренчало,
Так рукомойник нежно дребезжит.
Знакомо тренькал стерженек отвесный
(К кому-то прибыл, видно, гость ночной) —
Иных веков, иных звучаний вестник,
А все же незабываемый и живой.
Его не заглушили волны моря
И новый шум воздвигнутых плотин.
Он робко пел, с гигантами не споря,
И человек добром ему платил.
Я так люблю вещей напоминанья,
Их ясный голос, а порою — стон.
С годами многое меняет очертанья,
А вещи держат верный тон.

* * *

Две женщины во мне живут.
Одну изнеженный уют
Всегда манил ванильной лаской,
Другая от уюта гасла.

Одна любила кружева
Простого счастья и родства,
При свете его млея,
Смеясь и хорошея.

Одна твердила: дом, семья.
И были ей нужны, как боги,
Монбланы белого белья
И гость веселый на пороге.

Другая нервной рукой
Вертела кухонные чашки
И издевалась над собой
За этих помыслов пустяшность.

Одна, волнуясь, создавала.
Другая дерзко разрушала,
Не веря склонности своей
К неволе сладостных цепей.

ДЕНИСЬЕВА — ТЮТЧЕВ

Я перечла стихи-признанья.
То каялся, что не любил,
То славил глаз ее сиянье,
То плакал, что ее сгубил.
Все вынесла она, стерпела,
Как ни кружилось воронье.
А он, хоть совесть и болела,
Пел бескорыстные ее.
Мне дела нет, как это вышло,
Он гений, век его простит.
А все-таки судьба погибшей
На совести его лежит.

СИНТЕТИЧЕСКАЯ ЕЛКА

И как будто похожа, да нет, не жива,
Хоть «с иголочки» колкая шерстка.
Не дремуча, как та, не нежна, не свежа
И не помнит пернатого шороха.

Ей умно налепили ворсинки-меха,
Надушили, надели хлопущки.
Да не пахнет, как та, духом хвои и мха
И не тает с мороза макушка.

В потолок не упрется, известку кроша,
Не кольнет, напружинившись, палец.
И не вызовет с губ похвалу: «Хороша»,
Взбудоражив утихшую память.

Не обдаст состраданьем
В предчувствии дня,
Когда тощим, опавшим скелетом
Будет воткнута в снег
Острым кольшиком пня,
Потерявшим значенье предметом.

УНИФОРМИСТ

Что за фигура?
Смешна и стара.
Стыдно в такие года унижаться.
Смахивать сор и опилки с ковра.
В ловле жонглерских булав изгибаться.
Что заставляет его мельтешить?
В курточке прыгать, блестя галунами?
Он на мартышку похож временами,
Тягостна эта игривая прыть.
Что за фортуна завидовать другу
(Вот он под куполом мчится по кругу!),
А самому оставаться в тени,
Слышать: «подай» да «тяни».
Вместо ответа — прыжки по арене,
Надо покрепче канат ухватить.
В быстрых движениях — ни признака лени,
Лишь удовольствие цирку служить.

Что ж, цирковая судьба нелегка.
Браво, талантливый униформист!
Скромность недаром ценили века.
Вы и без званья — артист!

ДАМА С СОБАЧКОЙ

Одна рука авоську держит,
Другая тянет ремешок.
На женщине бедна одежда,
А пес пузат, как кошелек.
Идут. Их связь нерасторжима.
Кому полезен кто — вопрос.
Нужна ль хозяйке лапа Джима
Иль требует заботы пес?
В авоське мясо — для собаки
И лук зеленый — для хозяйки.
Должно быть, все-таки нужней
Привязанность собачья ей.
Но что ж такое с ней случилось?
Кто мог обидеть так, предать?
Одно в живых осталось — милость
К зверью, чье дело — обожать.
Одна уверенность — в инстинкте,
С его готовностью служить.
Собака не допустит низости
И не сумеет изменить.

АРХЕОЛОГ

Средь пыльцы
Засушенных бабочек,
Смешанной с пылью архивов,
Среди груд коленкорových папочек
И остатков гербариев хилых,
По соседству с седыми колчанами,
Пролежавшими кожу в могилах,
Кипятит он сверкающий чайник,
Как жилец в коммунальной квартире.
Ленинградец, негромко улыбчивый,
Завороженный тайной степи,

Он увлекся мечтою несбыточной
Изваянья прочесть, как стихи.
Он страдал от томительной ревности,
Трогал выступы каменных струй
И труху колокольчиков древности
Отделял от распавшихся сбруй,
Этот шепот земли неизученной
Излучал оголтелость племен,
От которых историк измученный
Был пластами веков отделен.
Что там идолы Пасхи немислимые —
Он пленился морщинами плит,
На которых причудливо выскоблены
Иероглифы тайных молитв.
Немотою разительной скованы
Изваянья обветренных баб.
И молчат прихотливые контуры
Узких глаз и звериных лап.
Кто отметил священными знаками
Поклоненье своим богам?
Кто просторы засеял злаками,
Дав шуршащий язык ветрам?
Кто, какие злодейства иль бедствия
Принуждали могилы клеймить?
От веков остаются лишь следствия,
А причины труднее раскрыть.

* * *

Как по руке, читай по строчкам
Изгибы выжившей души.
За каждым словом, между прочим,
Приметы доблести ищи.

Как не была — и вдруг восстала,
Предел усталости познав,
Как не могла и все бросала
И начинала, боль уняв.

Как победила все невзгоды,
Училась подлость понимать,
Как долго билась в неугодных,
Чтобы потом повелевать.

Ищи судьбу в любом глаголе, —
Читай влюбленнее, молю,
Не пропусти ни капли боли,
Копи в ладонях жизнь мою.

* * *

Стою на платформе пустынной,
В вагон захожу, как во сне,
И людям становится стыдно
За то, что невесело мне.

Я вижу: как исповедь друга,
Внимательность рвется ко мне
Сквозь мех и невольность испуга,
Сквозь иней в промерзшем окне.

Мелькнет ли догадка в усталых,
Блеснувших волнением глазах,
Припомнит ли кто о провалах,
Уронах, удачах, грехах.

Мне верится — вот пониманье,
Вот отклик на злую беду.
И я, не боясь подаянья,
«Рубли» пониманья беру.

* * *

Я больше не могу протестовать,
Я остаюсь с тобою, будь что будет,
Владеть и мучить, жечь и остывать,
И проклинать и славить эти будни.

Ни гнев, ни воля мне не помогли.
Пришла, поправ гордыню, на закланье
С лицом затравленным,
С губами, как полынь,
Пришла просить скупое подаянье.

Копейку брось иль мелочь хлебных крох.
Я жить хочу по праву назначения,
И чтобы сделать следующий вздох,
Я знать должна, что получу прощенье.

Не стынь, как камень. Все, что суд людской
Готов назвать примером униженья,
Я совершила. И ко мне самой
Не чувствую презренья.

* * *

Как рубят, заставляя: «Будь!»,
Как губят, требуя: «Живи!»
Щадят лишь собственную грудь,
Кричат о собственной любви.

Им даришь ровный тихий свет
И чашек запоздалый звон —
Они выбрасывают: «Нет!»
Как пики-козыри на кон.

О детях им. Они: — «А страсть?»
О жизни им. Они: — «Судьба.»
Им: — «Помоги, не дай упасть...»
Они: — «Взгляни-ка на себя...»

ВАСИЛИСА

Был дом — я его расколола,
Семья — я ее разняла.
Зачем, фанатичка раскола,
Я все у себя отняла?

Не знаю той муки названья.
Одно повторяю — держись!
Гляжу — шелестит на диване
Смятая мною жизнь.

Лягушечьей кожей сохнет,
Обмотком былой души.
Как будто занавес сдернут
Со сцены, откуда ушли.

С чужого плеча обносков,
Комочек навязанной лжи.
Кричи не кричи: «Не по росту!» —
А надо влезать и жить.

Но верю: придет расплата,
Тугая стрела зазвенит,
И вспыхнет, как старое платье,
Все горе, дотла — сгорит!

ДЕРЕВО

У тополя, у тополя,
Имущества двора,
У тополя высокого
Морщиниста кора.

Обрубленный и кряжистый,
Он с виду неказист,
Но это только кажется,
Что сух он и костист.

Но это только кажется,
Что он и нем и глух:
Так нежно щек касается,
Когда теряет пух.

Он весь в следах-прожилочках
Надежд моих и горь.
Так трудно место жительства
Менять из-за него.

* * *

Приноровлюсь, примерю
Странные лоскуты,
Полуиронии перья,
Полупечали черты.

Жизнь без любви — уродство,
Но я не одна — одна.
Ладно, все сложное просто,
Во всем виновата война.

* * *

То, что было сказано,
Предавать не хочется,
То, что было, — сглазила
Жизнь, такая склочница.

Отняла, развеяла
Единственное, кровное,
И вышло, что разменная я,
Вышло, что покорная.

Приняла как должное,
Новое свиданье.
Нищая, бездомная,
Взяла подаянье.

Лишь бы голос — около,
Лишь бы плечи — теплые,
Лишь бы чашки звонкие —
Две, а не одна.

А вы — «верность вечная»,
А вы — «счастья формула...»
Мне бы кашу гречневую
На тарелки поровну.

* * *

Стремленье обобщать явленья
Вошло у многих в плоть и кровь,
И стало моды проявленьем
С державой сравнивать любовь.

Там «автономия», там «царство»,
Мол без тебя, как без царя.
Что ни строфа — то «государство»,
А сочиняют не любя.

ЗЕРКАЛО

Зеркальный холод отразил
Зрачков дрожащих напряженье
И скул неровность обнажил —
Примету скудную крушенья.
Дисгармоничен и угрюм,
Перечеркнувший прежний облик,
Как будто страхом новых дум
И новой скованностью облит.
Что может сделаться с лицом!

Оно искромсано, как оспой,
Бедой непрошеной, концом
И отрицаньем правды плоской.
Нет, не к лицу ему удел
Вмещать итогов шатких вехи.
В нем все потеря, все предел,
Презрительно скосившей веки.
В нем — непокорная нужда
В событиях, подводящих к крену,
И голод, острый, как всегда,
По крутизне и переменам.
С таким лицом куда идти?
Оно вопит, а не смягчает,
И никому не обещает
Успокоенье принести.

* * *

Мы шли по главной магистрали,
И было нам не до игры.
В витринах мясники вздымали
Над красным мясом топоры.

Толпа, плывущая навстречу,
Ершилась спицами зонтов.
Плащами хлопающий ветер,
Шурша, юлил среди домов.

Ты в нелюбви мне объяснялся,
Краснел, стараясь чутким быть,
И неназойливо пытался
Меня как друга сохранить.

Покуда длилась эта кража,
С тоской улавливал мой взор
В одежде встречных — грубость пряжек,
А в окнах — поднятый топор.

* * *

Как я жила?
Как я могла?
Незрячие глаза несла
Из горькой гари
В сумрак поля.

Кормила душу трав привольем
И ветром
С привкусом овса.
Какой была?
О ком плела
Все ту же нить?
Над кем смеялась?
Какую боль в себе кляла,
Как долго ей одной держалась?
Теперь на той же полосе,
Где ливень хлестко сек суглинок,
Сверкая тысячью искринок,
Кустится молодой посев.
И дружно тянутся ростки,
Пленяя свежестью упорной,
Не для того, чтоб от тоски
Спасти меня иль быть опорой.
И все, чем полнится земля,
Не выглядит сегодня мельче.
Мне кажется, я поняла,
Что поле вольное не фельдшер.
Что хорошо мне в тишине
Без всякой пользы и сравненья.
А это значит, что ко мне
Приходит радость исцеленья.

О СЧАСТЬЕ

Мечтают о счастье, и годы,
Томясь, изнуряют себя.
А надо-то счастья немного,
Чтоб стала счастливой судьба.

Всего-то чуть-чуть, дней восемь.
А может, один только день.
У счастья — прекрасное свойство:
Отбрасывать длинную тень

* * *

Жизнь жестокая,
померимся силой!
Я не сдамся,
Как бы ты ни жала.

Сколько раз
меня ты унижала,
зря назвав немилую Людмилой.
Жизнь-задира,
Боль твою кляла я.
Сколько раз
до нитки разоряла!
Разоряла,
но не озлобляла
И с пустой душой
не оставляла.
Жизнь-насмешница,
Меня ты обкрутила!
Обманула
на пустой мечте.
Обкрутила,
но не раздавила,
не сумела
подвести к черте,
за которой опытность хохочет,
жметесь робость,
суетность дрожит
И безликость
тусклая
Пророчит
Униженье
и «умень» жить.
Слава богу,
я не уступила.
Никогда пощады
не просила.

ЛИСТОПАД

Листопад.
Намело возле дома.
Как отчаянно
Желтые листья горят
И хрустят под ногой,
Как сухая солома,
Как сожженные письма,
О давней любви шелестят.
Листопад.
Золотая отрада.

Прицепить бы к деревьям листву,
Как прищепками держат белье.
Где вы нынче,
Сибирские девочки, Ида и Ада,
Разлетелись, наверное,
Бросили наше жилье.
Там, под сводами извести,
Смешанной с синькой
(А белили в году
аккуратно по несколько раз),
Завывала разбитая,
Стертая в доску пластинка
Про осенний, военный,
Про незабываемый вальс.
И под музыку желтую,
Как золотая солома,
Там грустила хозяйка,
В подушку уткнувши лицо,
А потом, неизвестно зачем,
Выходила из дома
Постоять на ветру,
Подмести золотое крыльцо.
Листопад. Золотая отрада.
Сколько вас на Руси,
Поседевших до времени вдов,
Что одни, без мужей,
Воспитали и Иду и Аду,
Заменяв им кормильцев
И сильных отцов.
Я встречала вас там,
Где дороги болотом кончались,
Где давно позабыли,
Как горько дымит самосад,
Где, кляня одиночество,
Верными долгу остались,
Сохранив для людей
Неподкупно доверчивый взгляд.
И неволью,
Заслышав охрипший утесовский голос
Про томительный тот,
Невесомый, задумчивый сон,
Я опять вспоминаю
Несломленной женщины гордость,
Золотой листопад
Отлетевших времен.

АЛЕВТИНА

А. И. Мерзлой

Не римлянка и не гречанка,
Простая русская крестьянка
Меня встречает у дверей,
Лучистого не пряча взора,
И нить жемчужного убора
Я замечаю вдруг на ней.
Стоит, как ель, не шелохнется.
«А родом мы из новгородцев.
Недаром вольность праотцов
Скрывалась в глубине лесов.»
Глядит с достоинством, картинно
Архангельская Алевтина,
Лицом умышленно строга,
Зато слова — как жемчуга.
А ночь прозрачная блестит,
А речь жемчужная звучит
О посиделках при лучине,
И о любви, и о кручине,
О том, как началась война
И чем закончилась она.
Слова просты. А я немею,
И перед ней благоговею,
И прячу бедность пальцев хрупких
От взгляда статной лесорубки.
Мне стыдно газовых конфорок,
И шоколада, и комфорта,
Своих невзрачных, куцых слов
И малоинтересных снов.
Моя вина неискупима
Перед такой, как Алевтина,
Валившей лес, пахавшей поле,
Ночами плакавшей от боли,
Недоедавшей, мужа ждавшей,
От одиночества уставшей,
Умевшей верить и любить, —
Ну чем такой мне отплатить!?
В то время, как она страдала,
Я Блока раннего читала.
Когда она болтушку ела,
Я даже хлеба не хотела.

За счет ее суровых лет
Ласкал меня музей свет.
Она косила — я спала.
Она рубила — я мечтала.
Я силой рук ее жила,
Но ничего о ней не знала.
Не римлянке и не гречанке,
Простой архангельской крестьянке
Я пристыженно говорю:
«Благодарю.
Благодарю».

КАЛИНА

В. Шукшину

Какая картина — калина,
Закатно пылая, горит.
Не знаю, какая причина, —
Калина красно говорит.
Колхозник из дальней глубинки
Калину кистями сложил.
К нему подходили. «Кровинки
Руками не трогать», — твердил.
Какая картина — калина...
Как угли в каленый мороз.
Калина, душа — Катерина,
Какой же таишь ты вопрос?
Зачем ты окрасила взгорье,
Где стаями вьются дрозды?
Оборваны капельки крови,
И нет ни обиды, ни мзды.
Какая картина — Калина...
Я красные гроздья ловлю.
Какая лавина, судьбина, —
За что я калину люблю?
За яркую праздничность ягод,
За то, что с горчинкою сок.
За это горенье, за ярость, —
От гибели на волосок.
За свойство прекрасное — вызреть
До горечи самой, до дна.
А там — хоть отравы, хоть выстрел, —
Была бы калина красна.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

* Муза	3
Родионовны	3
Снег	4
В районной гостинице	5
Донорский пункт	6
* Игла	6
Спор	7
* О поражении	8
Всходы	8
Память	9
Возраст катастроф	9
Довоенный быт	10
Грамофончики	10
Речка	11
* Монтажницы	11
Воробей	12
Усадьба «Мураново»	12
Зеленя под снегом	13
«Страх разрушенья,— слабость глупых...»	14
Старик, считающий деньги	14
Рукомойник	15
«Две женщины во мне живут»	16
Денисьева — Тютчев	16
* Синтетическая елка	17
Униформист	17
Дама с собачкой	18
* Археолог	18
* «Как по руке, читай по строчкам...»	19
«Стою на платформе пустынной...»	20
* «Я больше не могу протестовать...»	20
* «Как рубят, заставляя: «Будь!»	21
* Василиса	21
* Дерево	22

«Принорвлюсь, примерю...»	22
«То, что было сказано...»	22
* «Стремление обобщать явления...»	23
Зеркало	23
«Мы шли по главной магистрали...»	24
«Как я жила?»	24
О счастье	25
* «Жизнь жестокая, померимся силой!»	25
Листопад	26
* Алевтина	28
Калина	29

* © Издательство «Правда», Библиотека «Огонек». 1976.
Стихи, обозначенные звездочками, публикуются впервые.

Людмила Семеновна Шаменкова

ПРИЗНАНИЕ

Редактор — **А. В. Софронов.**

Технический редактор **А. И. Евтушенко.**

Сдано в набор 26/VII 1976 г. А 00713. Подписано к печати 14/IX 1976 г.
Формат 70×108^{1/32}. Объем 1,40 условн. печ. л. 1,53 учетно-изд. л.
Тираж 100 000. Изд. № 2331. Заказ № 2594. Цена 4 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП,
ул. «Правды», 24.

Цена 4 коп.

Индекс 70668

